

Философия

УДК 101.1

А.А. Шамиурин

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА В СТРУКТУРАХ АКТУАЛЬНОСТИ

Актуализация текста проходит путь от потенциальности еще не существующего текста к его актуальности. В этом шествовании философ совпадает с философским текстом. Это совпадение задано понятием «пред-текст», которое полагает «введение» в философский текст как пред-понимание. Интернет предъявляет философу новую форму текста – гипертекст. Такой цифровой текст определяется информационной бесформенной совокупностью текстов, которая является всегда предзаданной для субъекта.

Поставленная проблема касается возможности присутствия субъекта в цифровом гипертексте. Цель исследования состоит в том, чтобы задать философский текст как концепт, показав субъективацию текста с помощью разрабатываемого понятия «пред-текст». Для достижения ожидаемого результата необходимо рассмотреть историю философии как хронологическую целостную последовательность текстов, которая полагается как контекст или общий смысл. Проблема усложняется тем, что в цифровом пространстве единая история философии не существует. Она пребывает как множественность авторских историй философии. Тогда «введение», «вступление», «предисловие» и т. п. в тексте философа оказывается заменой потерянного контекста. Развитие субъективности философии показывает, что пред-текст становится самим текстом. Этому развитию соответствует концептуализация философии и ее освобождение от авторитета античности как традиционализма. В условиях виртуальной реальности и гипертекстовой информации, только концептуализация сохраняет человеческое в человеке – мышление. Автор статьи ставит следующие вопросы: чего мы лишились, утверждая конец истории философии? не является ли новой пред-структурой философского текста актуализированное гипер-концептуальное пространство интернета?

Ключевые слова: пред-текст, текст, язык, традиция, классика, цифра, актуальность.

DOI: 10.35634/2412-9550-2021-31-3-265-270

Если задать процесс развития философии как некоего разворачивания целостного мышления, то его объективированным воплощением будет текст. Тогда каждый определенный философский текст является точкой этого целого, из которой оно только и доступно. Совокупность текстов оказывается историей философии, являя целое в его конкретности. Средством описания выступает уже имеющийся, предзаданный философский язык. В этом смысле язык философии выступает ее историей или контекстом, совпадающим с целым. Другими словами, вступая в философию, мы не находим начала философского языка. Мыслящий застает себя в качестве уже философствующего. Субъект обнаруживает самопредъявленность внутри языка. Он различает собственно философию от нефилософии. Философский текст оказывается местом говорения субъекта, точкой совпадения контекста с концептом, когда неопределенность языка находит себе определенную текстуальную форму.

Философский язык в его со-единении (кон-текст) с историей философии (текстовая целостность) для каждого отдельного философствующего выступает в качестве традиции [11. С. 12]. Тогда традицию можно рассмотреть как предструктуру, являющуюся исторической данностью и возможностью для философствующего субъекта понимать нечто как нечто, а значит, как рассудок в его положительной коннотации (Х.-Г. Гадамер). «Самосознание и автобиография, из которых исходит Дильтей, не изначальны и не могут служить основой для герменевтической проблемы, ибо приватизируют историю. В действительности не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории» [3. С. 329]. И далее: «наипервейшим из всех герменевтических условий остается, таким образом, предпонимание, вырастающее из нашей обращенности к тому же делу. Это решает вопрос о том, что может быть осуществлено в качестве целостного смысла, а тем самым и вопрос о применении предвосхищения завершенности. Итак, смысл сопринадлежности, то есть момент традиции в историко-герменевтической установке, осуществляется благодаря общности основополагающих предрассудков» [3. С. 329]. Этот пред-рассудок, говоря о философском тексте, мы можем рассматривать как пред-текст. Таким образом, текстовая целостность задается пред-текстом как кон-текстом. В этом смысле «пред-» является «со-» (Нанси) [10]. Он соединяет один философский текст с другими философскими текстами через отнесение первого к целому,

напоминая некую «цепь». В этом смысле пред-текст совпадает с историей философии, поскольку пред-полагает текстовую целостность и традицию, которая может рефлексироваться или не рефлексироваться. Поскольку философский язык и текст пересекаются в точке традиции, постольку возникают вопросы о традиционном, о том, что крайне не желает меняться с течением времени, при этом являясь историческим и «вечным» одновременно – о классике. Что еще мы обнаружим «вечного» в истории письма, как не классика? И какие смыслы откроем при со-отнесении философских текстов и классики?

Пред-текст – как все то, что перед текстом. То, что «пред-текстом» задает пространственные и временные рамки философствующему субъекту, который приступает к текстовому творчеству. Это значит, во-первых, что для еще-не-существующего текста уже есть место, которое обрамлено предзаданными языком и традицией. Это «свободное» место или еще-не-существующий текст есть потенциальный текст. А во-вторых что для каждого текста есть «свое» время в его временном отношении к «пред-». Временное отношение к пред-тексту делает потенциальный текст актуальным. Актуальность текста возникает в момент взаимного перехода пространственного и временного значений пред-текста. Актуализация текста поэтому есть его объективация или становление времени пространством. Такая объективация достигает своего предела в классификации.

Если пространственное измерение пред-текста создает «разрыв», то временное измерение указывает на «пред-» как на точку отсчета [1]. Так «введение» может пониматься как то, что «между» текстами всей рядоположенности текстов и как то, что предъясвляет вступление в философию философствующего. В таком случае обращает на себя внимание тот факт, что некоторые философские тексты как бы актуальны всегда, тогда как про другие такое утверждать невозможно. Эта «всегда-актуальность» обращает нас к рассмотрению классики как пространственно-временного феномена.

Классика вечна, но кажется, будто философский текст поистине бессмертен. Сколько веков должно пройти, чтобы мы перестали читать Платона, и как далеко должен быть современный философ, чтобы он нас не касался? В этом смысле философский текст словно существует вне времени и вне зависимости от пространства в этом мире. Философский язык, обретающий себя в текстах, неизменен как принадлежащий к идеальному миру. Он, как письмо, священен, поскольку несет в себе рядки мышления, основание всякого сущего. Как форма этих оснований в нём встречается множество смыслов, исходя из которых множатся значения, как ветви, деревенеющие в отделы и области цельного знания.

Текст Платона есть классика. Но мы вчитываемся в текст Платона не потому, что он есть истина, а потому, что он предъясвил целое. Он как точка, из которой задается целое; фрагмент, чья фрагментарность указывает на понимание себя как части целого, расположенной внутри него.

Классика и философские труды совпадают в двух моментах. Первый из них состоит в том, что их метафоры предъясвляют основания для размышления о вечном. В этом плане раскрывается сущность классики – философское мировоззрение. Второй момент – указание на античность или «античность» текста. Классицизм – это возврат к античному, в котором находит свои истоки и философский текст, будучи частью истории философии, начало которой положил текст Фалеса (около VI в. до н. э.). С этой точки зрения задается форма классики. Она понимается как традиция, отделяющая один текст размышления от другого, проводя между ними линию, отделяющую античный эталон/идеал от временной импровизации, традиционное от современного. Но если классика всегда содержит некое философствование, то философский текст не всегда является классическим произведением. Таким образом, сравнение философского текста и классики приводит к двусторонности истории философии. Она предлагает нам вечное, неизменное, но, классифицируя, оставляет нам лишь некоторые из текстов, а остальные, предъясвляющие вечное отбрасывает и предаёт забвению. В этом плане интересны вопросы У. Эко и Ж.-К. Карьера: как сделать отбор за те поколения, что придут после нас? кто будет отбирать? как предугадать, что будет интересно нашим потомкам, что им будет необходимо, или просто полезно, или хотя бы приятно? как отсеивать знания, если они поступают к нам через компьютер без всякого порядка, классификации, без отбора [5]?

Сегодня, когда уже прозвучал вопрос о конце истории, можно заключить, что настал и конец истории философии, которая с точки зрения абсолютного знания задавала одну философию. «История философии показывает, во-первых, что кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь одну философию на различных ступенях ее развития; во-вторых, что особые принципы, каждый из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть лишь ответвления од-

ного и того же целого» [4. С. 99]. После появления интернета классифицировать, отбирать, забывать философские тексты становится невозможным, как невозможным становится и одна философия. Вместо нее стало множество философий. Но привело ли это к исчезновению философской традиции? Философский язык вынужден оставаться вне историко-философского контекста. Он заново воссоздает свою дискурсивность, чтобы стать новой предзаданностью, новым предрассудком. Необходимо происходит переосмысление дискурсивного основания, связывающего философские тексты в единое целое. Если не история философии, то философская дискурсивность, философский язык?

Кажется, такой связью «со-», то есть соединение в единое целое, сегодня служит сеть Интернет. «То, что дает нам Интернет, это на самом деле сырая информация, недифференцированная, неклассифицированная; кроме того, здесь нет никакого контроля над источниками. Однако каждому человеку необходимо, чтобы у него была возможность не только проверить знания, но и придать им смысл, упорядочить их, поместить в собственную систему понятий. Но какими критериями руководствоваться? <...> Так что нам необходима точка отсчета или по крайней мере несколько ориентиров, чтобы как-то подступиться к этому бурному океану знаний» [5]. Что будет точкой отсчета для осмысления философских текстов, которые, ввиду утраты истории философии, предстают как информационные сведения, где отсутствует любая различенность? Другими словами, целое должно быть человечески осмысленным, как была осмыслена история философии, иначе философские тексты, как сегодня стихи, начнут создаваться машиной. Доступна ли будет тогда человеку его реальность?

Поскольку сегодня недоступна реальность (С. Жижек), а скорость электронно-информационных телекоммуникаций превысила скорость света, постольку история философии для философского текста перестает предъявлять себя как «наша система отсчета, наш бог, она стала нашим абсолютным показателем. Если свет понизится до относительных скоростей, исчезнет трансцендентность, не будет больше бога, чтобы распознать своих, вселенная погрузится в неопределенность. Именно это происходит сегодня с электронными средствами связи, когда информация начинает циркулировать повсюду со скоростью, равной световой. Нет больше абсолюта, который был бы мерой для всего остального» [2. С. 22]. Придется признать, что и история философии гипертельна, то есть что она существует за пределами своей финальности (Ж. Бодрийяр), а значит, нет уже множества смыслов, а только лишь множество текстов. Нет никаких противоположностей (по аналогии с Бодрийяром), не бессмыслицу мы будем противопоставлять смыслу, а еще более осмысленное, чем сам смысл – плеоназм, текстовое наложение и разрастание текста, чистого и пустого. «Расползающаяся, выпячивающаяся, разрастающаяся, гипертельная: такова инертная судьба перенасыщенного мира. Отрицать гиперфинальностью свой собственный финал – разве это не раковый процесс?» [2. С. 15]. Быть, может кон-текст философского текста – это лишь фантазм утерянных смыслов, точно видимый свет звезды, которой уже не существует. К тому же, если отступаешь от идей тотальности, связанных с понятиями истины и единой философии, возникает и недоверие к метарассказам, свойственное постмодерну [8].

Множество текстов посредством гиперссылок и гипер-разметки связываются друг с другом, образуя гипертекст. Здесь нашли свое место технологии wiki – гипертекстовая среда для сбора и структуризации текста [7]. Поисковый запрос, как взаимодействие человека с машиной, работает только на уровне текста и предстает в двух основных понятиях: офлайн и онлайн. Здесь «офлайн» есть то, что пред-задано для присутствующего онлайн. Тогда «онлайн» указывает на редактирующего текст в момент своего присутствия. Присутствующий субъект, или онлайн-субъект, конструирует текст внутри цифрового тела текста.

Электронный текст (книга, документ и т. д.) представляет из себя вечный «офлайн», не подвергающийся старению, пребывает в своей чистоте. Такое цифровое тело позволяет увидеть то, что всегда было невидимо – структуры мышления, которые отныне также экстазируют, становясь больше, чем само мышление, – его виртуальностью. Мы близки к тому, чтобы интернет, как продолжение нашего тела мышления, стал его двойником (Ж. Бодрийяр), полностью овнешнив мыслительные структуры. Если сегодня «офлайн» полагает «отсутствие присутствия», то есть нулевую активность в интернете, то соединение его с «онлайн» навсегда заменят «Я».

Сегодня «Я» задает гипер-разметку текста, соединяя тексты через гиперссылки, возводя тем самым бесформенные совокупности текстов, где их со-единение уже не задано смыслом, а только выделенным словом, нажатие на которое отправляет к другому тексту. Это экстаз смысла, его повсеместное «присутствие отсутствия» в электронной среде.

Возврат к смыслу требует обнаружить различие философского и нефилософского текстов, классики и импровизации и т. д. «Смысл есть то структурированное предвзятием, предусмотренным и предрешением в-видах-чего наброска, откуда становится понятно нечто как нечто» [15. С. 178]. На разломе, в со-единении, со-бытии, со-отношении или связи мы обнаруживаем это «со-». Но как обнаружить «со-», когда одно слово отсылает к другому, один текст вставлен в другой, где местом перехода является сам оцифрованный текст – гиперссылка? Что если плагиат будет возникать с первого предложения, не наступит ли тогда уже не конец истории философии, а конец философского текста?

Философский текст может иметь разные формы обращения, но исторически именно книга, по мнению У. Эко, стала универсальной формой письма [5]. Тогда, сравнив книгу и ее электронного двойника, мы найдем в их различиях смыслы, которые укажут на со-единение философского текста и целого, под которым все еще понимается история философии.

Книга есть универсальный предмет передачи письма и заключенного в нем объективированного смысла, разворачивающаяся цепью история философии. Такая форма как «письменная философия <...> пишется дальше через поколения как цепное письмо» [13]. Эта метафора *цепного письма* у П. Слотердайка имеет двусторонность. Во-первых, «цепь» понимается как очередности текстовых писем, следующих друг за другом через поколения, связывающие их в одно человечество. Во вторых, «цепное письмо» предъявляет невозможность выйти за пределы текстов, то есть за пределы истории философии. Не значит ли это, что электронная книга, как продолжение мышления, освобождает нас от цепей? Но такими цепями для философствующих всегда служила традиция и сопровождающий ее консерватизм, не подлежащий критике авторитет классиков и, самое главное, одна философия, внутри которой и разворачивалась ее история.

Поскольку одной истории философии не существует, то не существует и одной единой традиции, которая бы задавала направление философским изысканиям. Множество направлений в философии полагает множественность и концептуальность, а потому и сама история философии становится концептуальной – многоликой. Кто сегодня может утверждать, что история философии, о которой говорят К. Маркс и Ф. Энгельс [7], или «История западной философии» Б. Рассела [12] – это единственная история философии? Концептуальность означает содержательную множественность формы-концепта.

В этой множественной концептуальной истории философии тексты стыкуются как один с другим в «со-» как в месте смысла. Онлайн-субъект, осмысляя, набрасывает связи одного текста с другим. Один философский текст пред-шествует другому не хронологически, а по субъективному «открытию» концепта, когда философствующий находит точку, через которую возможно определить целое. Это пред-шествование в «со-» полагает целое по отношению к последующему тексту. Пред-текст есть используемый для интерпретации набор субъективно «открытых-для-себя» философских концептов, с помощью которых философствующий находит возможность произвести философский текст как часть концептуальной истории философии, внутри которой он самоидентифицировался как субъект философии.

Такое отношение субъекта к целому уже задано у Х.-Г. Гадамера в понятии предрассудка. Он переосмысляет пред-рассудок, освобождаясь от негативной и позитивной его оценки, и понимает его скорее как историческую пред-заданность [3. С. 322-323]. Но с точки зрения философских концептов последнее сменяется на концептуальную предзаданность, которая и есть пред-текст. Тогда пред-текст становится вводной частью основного текста, где задан философский взгляд. Основной или последующий текст лишь та часть, которая производится как конкретный текст. Таким образом, философский взгляд или философская точка зрения является субъектом философии.

Пред-текст по-разному предстает в книгах, а значит, по-разному предстает и субъективность философии. В «Диалогах» Платона [14] пред-текст выражается как заигрывание, не относящееся напрямую к тексту, где описывается антураж и ситуация размышлений в диалогах. В «Рассуждениях о методе» Декарта [6] «пред-» задается как отдельно взятое предисловие. Во введении к Энциклопедии философских наук Гегель обрисовывает систему своего философского учения, которое в дальнейшем подробно раскрывается в трех томах [5]. У К. Ясперса пред-текст является отдельной работой «Введение в философию» [16]. Таким образом, развитие субъективности философии показывает, что пред-текст становится самим текстом. Этому развитию соответствуют концептуализация философии и ее освобождение от авторитета античности как традиционализма. В условиях виртуальной реальности и гипер-

текстовой информации только концептуализация сохраняет человеческое в человеке – мышление. Так чего же мы лишились, утверждая конец истории философии? Не является ли новой пред-структурой философского текста актуализированное гипер-концептуальное пространство интернета?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арндт Х. Жизнь ума / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013.
2. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / пер. с фр. А. Качалова; науч. ред. текста к. ф. н. Д. Дамте. М.: РИПОЛ классик, 2017.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
4. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974.
5. Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! URL: http://www.pseudology.org/Eco_Umberto/Ne_nadeites_izbavi_ot_knig2.pdf (дата обращения: 14.06.2021).
6. Избранные произведения / Р. Декарт / пер. с фр. и лат.; ред. и вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Политиздат, 1950.
7. Концепция wiki. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ph4.ru/wiki_index.php. (дата обращения: 14.06.2021).
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
10. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с фр. В.В. Фуре; под ред. Т.В. Щитцовой. Мн.: Логвинов, 2004.
11. Полякова Н.Б. Власть традиции в аспекте смысла // Деструктивность человека: феноменология, динамика, коррекция: сборник материалов 2-й региональной научно-практической конференции (28–29 ноября 2003). Ижевск; Воткинск: Удмурт. ун-т, 2003.
12. Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2018.
13. Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка. Ответ на письмо Хайдеггера / пер. с нем. Т. Тягуновой, 2002. URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/>. (дата обращения: 14.06.2021).
14. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1990.
15. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.
16. Ясперс К. Введение в философию / пер. с нем.; под ред. А.А. Михайлова. Мн.: Прополис, 2000.

Поступила в редакцию 04.06.2021

Шамшурин Алексей Андреевич, ассистент кафедры философии и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: shamshurin19aleksey@gmail.com

A.A. Shamshurin

CONCEPTUALIZATION OF THE PHILOSOPHICAL TEXT IN THE STRUCTURES OF FOREGROUNDING

DOI: 10.35634/2412-9550-2021-31-3-265-270

The foregrounding of the text goes from a potential, not yet existing text to its relevance. In this march, the philosopher coincides with the philosophical text. This coincidence can be called a fore-text, which allows you to "enter" a philosophical text. The Internet considers hypertext as an informational formless set of texts, which is predetermined for the subject.

The posed problem concerns the possibility of the presence of the subject in a digital hypertext. The aim of the study is to set the philosophical text as a concept, showing the subjectivation of the text with the help of the developed concept of a fore-text. To achieve the expected result, it is necessary to consider the history of philosophy as a chronological coherent sequence of texts, which is assumed as a context or common meaning. The problem is complicated by the fact that a single history of philosophy does not exist in digital space. It resides as a plurality of authors' histories of philosophy. The "introduction," "preface," etc. to a philosopher's text then becomes a "substitute" for the lost context. The development of the subjectivity of philosophy shows that the fore-text becomes the text itself. This development corresponds to the conceptualization of philosophy and its liberation from the authority of antiquity as traditionalism. Under the conditions of virtual reality and hypertext information, only conceptualization preserves the human in man – think-

ing. The author of the article poses the questions: "So what have we lost by asserting the end of the history of philosophy? Isn't the "new" pre-structure of the philosophical text the actualized "hyper-conceptual" space of the Internet?"

Keywords: fore-text, text, language, tradition, context, classic, numeral, history, foregrounding.

Received 04.06.2021

Shamshurin A.A., Assistant of the Department of Philosophy and Humanities
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: shamshurin19aleksey@gmail.com